

**ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
(ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Научная статья

УДК 340.01

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ**

Степан Олегович Аврамов¹, Дмитрий Андреевич Коньшев²

^{1, 2} Академия войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

¹ spvi2023@mail.ru

² konyshevda @rosgvard.ru

Аннотация. В статье проводится исследование профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии и ее влияние на эффективность правовых стимулов и ограничений как средств управления поведением личного состава. Выделяются основные элементы профессиональной правовой культуры. Отмечается, что она является органической частью общей правовой культуры общества, несущей в себе базовые правовые ценности. Показывается, каким образом профессиональная правовая культура служит детерминантой эффективности механизма правового стимулирования и ограничения. Формулируется вывод о том, что профессиональная правовая культура военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации является чрезвычайно значимым фактором обеспечения законности и эффективности деятельности данного ведомства.

Ключевые слова: профессиональная правовая культура, войска национальной гвардии Российской Федерации, правовые стимулы и ограничения, нравственно-правовые ценности, правовое воспитание

Для цитирования: Аврамов С.О., Коньшев Д.А. Профессиональная правовая культура как детерминанта эффективности правовых стимулов и ограничений // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 1 (34). С. 297–306. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2026/03/030.pdf>.

**OTHER SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES
(LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)**

Original article

PROFESSIONAL LEGAL CULTURE AS A DETERMINANT OF THE EFFECTIVENESS OF LEGAL INCENTIVES AND RESTRICTIONS

Stepan O. Avramov¹, Dmitriy A. Konyshev²

^{1, 2} Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ spvi2023@mail.ru

² konyshevda @rosgvard.ru

Abstract. This article examines the professional legal culture of Russian National Guard service members and its impact on the effectiveness of legal incentives and restrictions as a means of guiding personnel behavior. Several key elements of professional legal culture are identified, noting that it is an integral part of the overall legal culture of society, embodying fundamental legal values. It is demonstrated how professional legal culture serves as a determinant of the effectiveness of legal incentives and restrictions. It is concluded that the professional legal culture of Russian National Guard service members is an extremely significant factor in ensuring the legality and effectiveness of this agency's activities.

Keywords: professional legal culture, Troops of the National Guard of the Russian Federation, legal incentives and restrictions, moral and legal values, legal education

For citation: Avramov S.O., Konyshev D.A. Professional legal culture as a determinant of the effectiveness of legal incentives and restrictions. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;4(33): 297–306. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2026/03/030.pdf>.

© Аврамов С.О., Конышев Д.А., 2026

Введение

Правовая культура традиционно рассматривается в юридической науке как многогранное социально-правовое явление, отражающее качественное состояние правовой жизни общества. Под правовой культурой понимают достигнутый уровень развития правосознания граждан, степень законности, совершенства законодательства и практики правоприменения в стране [10; 14; 15; 16; 17; 18; 21; 22; 23; 25]. Иными словами, это интегральный показатель того, насколько право ценится и соблюдается в обществе.

Основные положения

В научной литературе выработан ряд методологических подходов к изучению данного феномена: социологический, антропологический, аксиологический, деятельностный и др. [12] Каждый из подходов акцентирует различные грани правовой культуры. Так, социологический подход делает упор на уровне массового правосознания и реального правопослушного поведения, аксиологический – на систему правовых ценностей и идеалов, разделяемых в обществе, исторический прослеживает генезис правовых традиций, а деятельностный концентрируется на практике реализации права и профессиональной деятельности. Благодаря многообразию подходов существуют различные дефиниции правовой культуры. Например, С. С. Алексеев определял ее как качественное состояние правовой системы общества, выражающее уровень правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики [4, С. 51]. Е. А. Лукашева подчеркивает ценностно-нормативный аспект, указывая, что правовая культура выражает отношение общества к праву, основанное на знании права, уважении к нему и убежденности в необходимости законопослушного поведения [13]. Несмотря на нюансы формулировок, большинство исследователей сходятся во мнении, что ядро правовой культуры составляют правовые ценности, знания и установки, опосредующие поведение людей в правовой сфере.

Профессиональная правовая культура выступает особым видом правовой культуры, носителями которого являются опреде-

ленные группы специалистов, чья деятельность напрямую связана с реализацией права, поддержанием правопорядка и соблюдением законности. Иными словами, это правовая культура специального субъекта – профессионала в сфере юриспруденции либо служебной деятельности, требующей глубоких правовых знаний и правовых навыков. Еще в советской правовой психологии возникло близкое понятие профессионального правосознания. Так, В. П. Сальников и Н. Я. Соколов определяют профессиональное правосознание юристов, как систему правовых взглядов, знаний, ценностных ориентаций и установок, присущих общности людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью [24; 26]. В дальнейшем категория профессиональной правовой культуры получила развитие как комплексное понятие, включающее не только психологические аспекты (состояние правосознания), но и совокупность специальных правовых знаний, умений, ценностей и моделей поведения, необходимых для надлежащего исполнения служебных обязанностей. Профессиональная правовая культура является органической частью общей правовой культуры общества, несущей в себе базовые правовые ценности (законность, справедливость, права человека и т. д.), но одновременно обладающей специфическими чертами, обусловленными особенностями профессии носителя. Так, ценностный ряд и требования к правовой культуре судьи будут отличаться от таковых у сотрудника полиции или военнослужащего Росгвардии, хотя все они разделяют фундаментальное уважение к закону [19].

Отсутствие унифицированных подходов к измерению данного феномена сопряжено и с тем, что в юридической науке отсутствует единое мнение о структуре профессиональной правовой культуры. Представляется обоснованным выделить несколько основных элементов, взаимосвязанных между собой:

1) совокупность специальных юридических знаний и понимания законодательства, необходимых в данной профессиональной деятельности. Для военнослужащих войск правопорядка это знание нор-

мативных правовых актов, уставов, приказов, регламентирующих их службу, а также понимание принципов законности при выполнении приказов;

2) система правовых ценностей, идеалов и принципов, которыми руководствуется профессионал. В контексте службы в войсках национальной гвардии к ключевым ценностям относятся дисциплина и законность как высшие приоритеты, верность присяге и приказу, уважение прав граждан при осуществлении силовых полномочий, а также честность и неподкупность. Профессиональные правовые ценности военнослужащих Росгвардии заключаются в обеспечении высокого качества выполнения служебных задач при неукоснительном соблюдении правовых норм. Проявляется это в готовности соразмерять применение силы с требованиями закона, в стремлении защищать права и безопасность граждан, а также в поддержании внутренней дисциплины, основанной на убежденности, а не только на страхе наказания;

3) устоявшиеся навыки, привычки и стандарты правомерного поведения, характерные для данной профессиональной среды. У военнослужащих Росгвардии это выражается в безусловном соблюдении законных приказов, точном следовании уставной дисциплине, недопустимости противоправных методов при выполнении служебных задач;

4) культура профессионального общения и взаимодействия в правовой сфере как внутри коллектива, так и с гражданским населением. Сюда входит уважительное отношение к сослуживцам и гражданам, соблюдение этических норм при осуществлении служебных полномочий, умение разрядить конфликт правовыми средствами;

5) способность развивать и адаптировать правовые знания, применять творческий подход к решению служебных задач в рамках закона. Для военнослужащего это умение принять юридически грамотное решение в нестандартной ситуации, проявить инициативу, не нарушая при этом правовых ограничений.

Такая многоэлементная структура позволяет всесторонне охарактеризовать профессиональную правовую культуру как сложное образование, включающее и уровень правовых знаний, и глубину правовых убеждений, и практики соблюдения и применения правовых норм. Профессиональные правовые ценности в войсках правопорядка во многом определяют его облик:

например, военнослужащий Росгвардии должен сочетать повиновение приказу с правовой убежденностью, т. е. подчиняться командам не слепо, а понимая их законность и правомерную цель. В итоге можно дать следующее определение: профессиональная правовая культура военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации – это комплексная характеристика данной группы, включающая уровень их правовых знаний, степень приверженности правовым ценностям (законности, справедливости, дисциплине) и практическую готовность к правомерному поведению и соблюдению требований служебной этики, необходимые для эффективного и законного исполнения служебных обязанностей. Данное определение сочетает общегосударственные правовые принципы с профессиональной спецификой военной службы. Оно базируется на российских традиционных нравственно-правовых и духовных ценностях [7; 8; 11; 20] и характеризует правовую зрелость личности военнослужащего Росгвардии.

Для понимания роли профессиональной правовой культуры важно рассмотреть понятие правовой зрелости личности военнослужащего. Под правовой зрелостью обычно понимают высокий уровень развития правосознания и ответственности, при котором соблюдение закона становится для индивида внутренней потребностью и привычкой, а не только результатом внешнего принуждения. Правовая культура военнослужащего напрямую служит индикатором его правовой зрелости. В традиционно авторитарной военной среде долгое время главным показателем хорошей службы считалась дисциплина, т. е. беспрекословное исполнение приказов и соблюдение уставного порядка. Однако сама по себе внешняя дисциплинированность не всегда равнозначна правовой зрелости и высокой культуре. Возможна ситуация показного порядка, когда подразделение демонстрирует безукоризненное подчинение, основанное лишь на страхе наказания и формально-исполнительской модели подчинения, – при этом внутренне у личного состава отсутствует понимание правовых ценностей и критическое восприятие незаконных распоряжений. В такой обстановке формируется своеобразный правовой нигилизм [9] под оболочкой дисциплины: военнослужащие подчиняются приказам автоматически, не разделяя их правового смысла, и при ослаблении кон-

троля могут нарушить нормы, которые не стали их собственными убеждениями. Такое подчинение из страха говорит скорее о правовой инфантильности, незрелости личности в правовом отношении. Напротив, правовой зрелостью можно назвать ситуацию, когда высокая дисциплина достигается за счет осознанного уважения к требованиям закона. Военнослужащие подчиняются командам не из боязни кары, а по внутреннему убеждению в их легитимности и справедливости. Такой солдат обладает моральной смелостью не выполнить заведомо преступный приказ, понимая свою юридическую ответственность за подобные действия. Таким образом, оптимальной считается модель, при которой безусловная исполнительность сочетается с правовой сознательностью. Представляется, что современного военнослужащего правового государства необходимо учить и дисциплине, и пониманию прав человека одновременно. Одностороннее воспитание в духе лишь слепого повиновения может привести к тому, что правовые ограничения будут соблюдаться формально, а не из внутренней убежденности – что снижает их профилактическую эффективность. Следовательно, высокий уровень профессиональной правовой культуры выступает надежным показателем правовой зрелости военнослужащего. Если он сознательно разделяет ценности законности, правопорядка, ответственности, то можно утверждать, что он достиг определенной правовой зрелости – и это проявляется вовне через добросовестное поведение даже без прямого принуждения.

Необходимо отметить влияние правовой культуры на эффективность правовых стимулов и ограничений [1; 2]. Правовые стимулы и ограничения – это две взаимодополняющие группы юридических средств, с помощью которых государство направляет поведение граждан [5] (в том числе и военнослужащих).

Применительно к служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии профессиональная правовая культура оказывает прямое влияние на действенность этих правовых средств управления поведением. Иными словами, эффективность правовых стимулов и ограничений во многом зависит от уровня правовой культуры личного состава войск. Если военнослужащий обладает высоким уровнем правовой культуры, то есть глубокими знаниями своих прав и обязанностей, уважением к закону и устойчивыми правовыми

ценностями – он значительно лучше воспринимает как позитивные, так и негативные юридические сигналы от государства. В результате правовые стимулы действительно достигают цели: поощрения воспринимаются всерьез и мотивируют личный состав на добросовестную службу, а ограничения предотвращают правонарушения не только страхом наказания, но и внутренним убеждением в недопустимости противоправных действий. Например, в подразделении с высокими правовыми ориентирами достаточно объявить благодарность отличившимся или вручить награду – и это будет признано значимым событием, вызывающим гордость и стремление соответствовать у остальных военнослужащих. Напротив, при низком уровне правовой культуры тот же самый арсенал правовых средств не демонстрирует ожидаемого регулятивного эффекта. В рамках данной работы полагается, что высокая правовая культура делает применение правовых стимулов более эффективным и предсказуемым, поскольку субъекты разделяют социально значимые ценности законопослушания и понимают справедливость самой идеи сочетания поощрений и наказаний. Если же у военнослужащего (подразделения Росгвардии) не сформированы правовые убеждения и ценности, государству приходится чаще прибегать к жесткому принуждению, пытаясь компенсировать дефицит самодисциплины внешней дисциплиной. В коллективе с низкой культурой правовые поощрения могут обесцениваться или восприниматься как формальная процедура без устойчивого мотивационного эффекта, тогда как только угроза наказания удерживает от нарушений. Однако и наказания в среде с недостатком правовой культуры зачастую теряют профилактический эффект: вместо осознания вины правонарушитель ощущает себя обиженным, наказание воспринимается как несправедливость или ищутся способы укрыть проступок, вместо того чтобы исправить поведение. Тем самым профессиональная правовая культура служит детерминантой эффективности механизма правового стимулирования и ограничения: она определяет, сработают ли юридические меры должным образом либо останутся на бумаге.

Отмечается и обратная зависимость: не только профессиональная правовая культура влияет на действие стимулов, но и сами правовые стимулы и ограничения способны укреплять или подрывать право-

вую культуру субъектов. Если командование и государство последовательно применяют позитивные стимулы – поощряют законопослушных военнослужащих, демонстрируют уважение к их правам, создают режим благоприятствования для добросовестной службы, это формирует у личного состава доверие к правовой системе, повышает их правовую осведомленность и укрепляет чувство собственной значимости как защитников законности. Восприятие правомерного поведения как социально одобряемого и подкрепляемого поощрительными мерами (присвоение очередного воинского звания, награждение, объявление благодарности) усиливает его мотивационный потенциал и способствует поддержанию требуемого уровня дисциплины. Правовая культура в таких условиях постепенно растет: позитивные примеры укореняются как часть ценностей воинского коллектива. И наоборот, если упор делается лишь на наказания и запреты при недостатке поощрений, может возникнуть отчужденность и правовой нигилизм. Когда военнослужащие сталкиваются преимущественно с карательной стороной службы и не ощущают поддержки за добросовестность, у них снижается доверие к командирам (начальникам) и уважение к закону. Такая среда воспитывает лишь показное послушание из страха санкций, а не сознательную дисциплину. Поэтому для воспитательной работы в войсках важен принцип разумного баланса стимулов и ограничений, соотносящегося с текущему уровню культуры [3]. Там, где культура изначально ниже, возможно, на переходном этапе требуются более строгие меры контроля и ограничения, но по мере ее роста акцент следует смещать на позитивную мотивацию и поощрение. Конечная цель – чтобы внешняя дисциплина постепенно подкреплялась внутренними убеждениями, а не держалась исключительно на принуждении.

В прикладном аспекте профессиональная правовая культура выступает значимым фактором результативности дисциплинарно-правовых мер. При более системной организации правового просвещения и правового информирования личного состава (регулярные занятия по изучению нормативных предписаний, разбор типичных служебных ситуаций с правовой оценкой, обсуждение этически сложных случаев) формируются более устойчивые навыки правомерного поведения, и повышается предсказуемость действий воен-

нослужащих в рамках установленных требований. Напротив, при преобладании формально-отчетного подхода к правовому обучению либо при его эпизодическом характере возрастает риск поверхностного усвоения правовых ориентиров службы, что может сопровождаться отдельными нарушениями дисциплины и ошибками при реализации полномочий. В целом недостаточная сформированность правовой культуры проявляется не только в дефиците знаний о правах и обязанностях, но и в снижении способности применять правовые критерии к конкретным служебным ситуациям. Учитывая это, повышение качества правового просвещения и воспитательной работы следует рассматривать как условие укрепления дисциплины и законности в деятельности войск правопорядка.

Анализ теории и практики формирования профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии выявляет ряд проблемных моментов. Во-первых, до сих пор не выработано общепринятого понятийного аппарата – различные авторы по-разному трактуют объем понятия. Отсутствие единства в терминологии затрудняет методiku исследований и сравнений. Необходимо дальнейшее теоретическое осмысление того, чем профессиональная правовая культура качественно отличается от общей, и какие показатели (например, состояние ведомственного законодательства или организационной культуры) следует включать в ее оценку. Возможно, здесь может идти речь о самостоятельной категории права в дополнение к тем категориям, которые предложил в свое время профессор А. М. Васильев [6].

Во-вторых, сложной остается задача измерения уровня профессиональной правовой культуры. Этот феномен носит во многом качественный характер, трудно выражаемый числами. Тем не менее для практических нужд требуется диагностика и мониторинг. Возможный подход – комплексная оценка, сочетающая несколько критериев:

1) показатели правомерного поведения (количество дисциплинарных взысканий, правонарушений, жалоб на подразделение);

2) оценка правовых знаний личного состава (например, периодическое тестирование или проверки знаний уставов и законов);

3) измерение ценностных ориентаций и установок (психологические опросники на уровень правового идеализма (нигилизма),

отношение к соблюдению правовых норм и др.).

С учетом профессиональной специфики представляется возможным разработать своего рода индекс правовой культуры военнослужащего, учитывающий перечисленные компоненты. В перспективе ее внедрение позволило бы объективнее отслеживать прогресс в воспитательной работе.

В-третьих, одной из центральных проблем является противоречие между требованием строгой дисциплины и задачей развития правовой самостоятельности личности. Как отмечалось выше, военная модель управления строится на безусловном подчинении, что иногда вступает в конфликт с принципом верховенства закона (который подразумевает отказ выполнять заведомо незаконные приказы). На практике формирование у военнослужащих устойчивой способности к правовой оценке служебных ситуаций при сохранении требований дисциплины представляет определенную сложность. Здесь скрыт потенциальный конфликт ценностей: традиционная воинская добродетель – это беспрекословная исполнительность, тогда как правовое государство требует от военнослужащего умения соотносить приказы с законом. Согласование указанных требований представляет собой важную педагогическую и управленческую задачу. Решение видится в обновлении программ воспитания: включении в них занятий по разбору гипотетических ситуаций «незаконный приказ», изучении гуманитарного права, формировании у младших командиров понимания ответственности за отдаваемые распоряжения.

Четвёртая проблемная область связана с воздействием внешней социальной среды и публичного образа ведомства на формирование внутренних нормативно-ценностных установок личного состава. Общественное восприятие силового института выступает контекстным фактором, который может влиять на условия правового воспитания и на характер коммуникации военнослужащих с гражданами. При распространённости в общественной среде настороженных или критических оценок деятельности ведомства у части личного состава может усиливаться ориентация на закрытость и внутрикорпоративную солидаризацию, что объективно осложняет развитие установок на открытое правомерное

взаимодействие с населением. В первые годы существования Росгвардии в публичном дискурсе встречались интерпретации ее роли через призму преимущественно внутривнутриполитических функций, что формировало неоднозначный информационный фон вокруг службы и могло отражаться на самоидентификации военнослужащих. Наличие имиджевых рисков и информационной асимметрии (в том числе общественные дискуссии о соразмерности применения полномочий, ограниченная прозрачность отдельных аспектов деятельности) создает дополнительные ограничения для формирования устойчивой профессиональной правовой культуры. Перспективным направлением представляется развитие форм институциональной коммуникации с обществом – расширение информирования о правовых основаниях и задачах службы, повышение открытости в пределах допустимого, а также публично понятные процедуры правовой оценки отдельных инцидентов. Такой подход способен укреплять легитимность служебной деятельности в глазах граждан и поддерживать у личного состава ориентацию на соблюдение правовых требований и стандартов законности.

Наконец, следует отметить организационно-правовые пробелы, связанные с нормативным обеспечением формирования правовой культуры военнослужащих Росгвардии. Проведенный анализ показывает, что регулирование данной сферы носит преимущественно фрагментарный характер: общие требования к соблюдению законности и прав граждан закрепляются в законодательстве (включая Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и иные акты), однако специальные положения, системно и комплексно регламентирующие организацию правового воспитания и правового просвещения в войсках, представлены недостаточно полно. Функции правового обучения личного состава традиционно возлагаются на заместителей по военно-политической работе. При этом результативность правового просвещения в подразделениях характеризуется неоднородностью и не всегда обеспечивает достижение поставленных целей. В отдельных случаях это связано с преобладанием процедурно-отчетных форм и формализованного

подхода к организации занятий. В результате возрастает зависимость качества от управленческих решений и организационных приоритетов на уровне конкретного подразделения. В настоящее время основными критериями оценки деятельности подразделений Росгвардии являются показатели боевой подготовки, служебного выполнения задач, физической выучки и т. п. – уровень правовой воспитанности и правовой грамотности личного состава не фигурирует напрямую в показателях эффективности. В таких условиях внимание командиров к правовому обучению во многом определяется наличием либо отсутствием зафиксированных правонарушений: при их отсутствии состояние дисциплины обычно квалифицируется как устойчивое. Предлагается изменить эту ситуацию, введя показатели состояния правовой культуры в систему аттестации и оценки подразделений. В частности, необходимо поощрять те подразделения, где длительное время не было дисциплинарных нарушений, отмечать наградами и продвижением по службе командиров, добившихся образцовой дисциплины. Такая мера создала бы прямой стимул для начальников заниматься правовым воспитанием подчиненных, увязывая успехи на этом поприще с собственным служебным ростом.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что профессиональная правовая культура военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации – чрезвычайно значимый фактор обеспечения законности

и эффективности деятельности данного ведомства. Высокая правовая культура личного состава выступает одновременно индикатором правовой зрелости этих военнослужащих и условием более результативного действия правовых стимулов и ограничений в системе службы. Проведенный анализ показал, что правовая культура военнослужащих Росгвардии формируется под влиянием целого комплекса правовых, организационных, социально-психологических и личностных факторов. Только при системном воздействии на все эти аспекты можно добиться устойчивого повышения уровня культуры. Необходим баланс между требованием безусловного повиновения приказам и соблюдением верховенства закона: дисциплина должна опираться на правосознание, тогда она будет прочной и осмысленной. На сегодняшний день перед Росгвардией стоит задача разработки целостной программы правового воспитания, которая включала бы современные методы обучения, мониторинг результатов и учет правовой культуры при оценке деятельности командиров. Реализация таких мер способна не только снизить количество нарушений и злоупотреблений, но и укрепить доверие населения к войскам, повысить авторитет службы. В долгосрочной перспективе это служит общенациональной задаче – укреплению законности и правопорядка, построению правового государства, где военнослужащие Росгвардии обладают высокой правовой культурой и сознательно ограничивают себя рамками закона.

Список литературы

1. Аврамов С. О. Правовые стимулы и правовое стимулирование: теоретико-правовые аспекты и практика применения // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2(31). С. 12–19.
2. Аврамов С. О. Правовые ограничения: общетеоретическая характеристика и механизмы реализации // Теория государства и права. 2025. № 2-1(44). С. 14–29.
3. Аврамов С. О. Ценность права: баланс стимулов и ограничений // Закон и право. 2025. № 3. С. 17–25.
4. Алексеев С. С. Восхождение к праву: поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. 601 с.
5. Бутов С. В. Правовые стимулы и ограничения в правовом регулировании: историко-теоретический анализ // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4(47). С. 11–15.
6. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
7. Дерюгин А. А. Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных угроз / А. А. Дерюгин, С. О. Аврамов // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2025. С. 67–72.

8. Дерюгин А. А., Аврамов С. О. Российская государственность и традиционные ценности: социокультурные детерминанты безопасности // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Сборник научных трудов II Межведомственной научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 21 октября 2025 года. СПб. : Академия войск национальной гвардии, 2025. С. 84–89.
9. Захарцев С. И. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации / С. И. Захарцев, В. П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 11–29.
10. Исмагилов Р. Ф. Традиции правовой культуры Востока и Запада в формировании патриотического правосознания народов России / Р. Ф. Исмагилов, Е. А. Мукосеева, М. В. Сальников // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2025. С. 503–510.
11. Кийко А. Ю. Государственный суверенитет России как духовно-нравственная ценность // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г. / под науч. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2025. С. 22–24.
12. Линейцева К. С. Основные методологические подходы к пониманию правовой культуры как научной категории // Право и государство: теория и практика. 2013. № 5(101). С. 35–41.
13. Лукашева Е. А. О воспитании правосознания и правовой культуры в период развернутого строительства коммунизма // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 41.
14. Сальников В. П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2000. Вып. 1. С. 3–5.
15. Сальников В. П. Правовая культура общества: понятие и структура // Вопросы теории государства и права. 1986. № 7. С. 44–54.
16. Сальников В. П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Акад. курс в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 3: Государство, право, общество. М., 2013. С. 503–530.
17. Сальников В. П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Сальников Виктор Петрович. Л., 1990. 402 с.
18. Сальников В. П. Социалистическая правовая культура: методологические проблемы / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 1989. 144 с.
19. Сальников В. П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. Л., 1989. 86 с.
20. Сальников В. П. Человек в системе нравственно-правовых ценностей и задача формирования суверенной философии права / В. П. Сальников, Д. В. Масленников, А. И. Морозов // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Дню прав человека, г. Уфа, 10 дек. 2020 г.: в 2 ч. / отв. ред. Е. О. Тулупова. Уфа, 2020. Ч. 1. С. 176–187.
21. Сальников В. П. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях / В. П. Сальников, М. В. Сальников // Вестник Башкирского университета. 2014. № 3. Т. 19. С. 1096–1099.
22. Сальников В. П. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей / В. П. Сальников, М. В. Сальников // Юридическая мысль. 2014. № 4(84). С. 70–86.
23. Сальников В. П. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании / В. П. Сальников, М. В. Сальников // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3(37). С. 13–19.
24. Сальников В. П. Юристы и правовая информированность личности / В. П. Сальников, Н. Я. Соколов // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел: сб. науч. тр. СПб., 1993. Вып. 1. С. 28–36.
25. Сальников В. П. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека / В. П. Сальников, А. В. Стремоухов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2000. № 4(8). С. 19–22.
26. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988. 224 с.

References

1. Avramov S. O. Legal incentives and legal stimulation: theoretical and legal aspects and practice of application // Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(31): 12–19. (In Russ.).
2. Avramov S. O. Legal Restrictions: General Theoretical Characteristics and Implementation Mechanisms // Teoriya gosudarstva i prava. 2025;2-1(44): 14–29. (In Russ.).
3. Avramov S. O. The Value of Law: A Balance of Incentives and Restrictions // Zakon i pravo. 2025;3: 17–25. (In Russ.).
4. Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu: poiski i resheniya. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2002. 601 s. (In Russ.).
5. Butov S. V. Legal Incentives and Restrictions in Legal Regulation: Historical and Theoretical Analysis // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2025;4(47): 11–15. (In Russ.).
6. Vasil'ev A. M. Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava. M., 1976. 264 s. (In Russ.).
7. Deryugin A. A. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti i orientiry – sterzhen' rossijskoj gosudarstvennosti na fone sovremennyh ugroz / A. A. Deryugin, S. O. Avramov // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g. / pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb., 2025. S. 67–72. (In Russ.).
8. Deryugin A. A., Avramov S. O. Rossijskaya gosudarstvennost' i tradicionnye cennosti: sociokul'turnye determinanty bezopasnosti // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: Sbornik nauchnyh trudov II Mezhdomstvennoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 21 oktyabrya 2025 goda. SPb. : Akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 84–89. (In Russ.).
9. Zaharcev S. I. Legal Consciousness and Legal Nihilism: Contemporary Issues of Professional Deformation / S. I. Zaharcev, V. P. Sal'nikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2013;11: 11–29. (In Russ.).
10. Ismagilov R. F. Tradicii pravovoj kul'tury Vostoka i Zapada v formirovanii patrioticheskogo pravosoznaniya narodov Rossii / R. F. Ismagilov, E. A. Mukoseeva, M. V. Sal'nikov // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g. / pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb., 2025. S. 503–510. (In Russ.).
11. Kijko A. YU. Gosudarstvennyj suverenitet Rossii kak duhovno-nravstvennaya cennost' // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g. / pod nauch. red. V. P. Sal'nikova. SPb., 2025. S. 22–24. (In Russ.).
12. Linejceva K. S. The main methodological approaches to understanding legal culture as a scientific category // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2013;5(101): 35–41. (In Russ.).
13. Lukasheva E. A. On the education of legal awareness and legal culture during the period of the expanded construction of communism // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1962;7: 41. (In Russ.).
14. Sal'nikov V. P. Pravovaya kul'tura kak faktor stabilizacii sovremennogo rossijskogo obshchestva // Aktual'nye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava: sb. nauch. st. / pod obshch. red. V. P. Sal'nikova. SPb., 2000. Vyp. 1. S. 3–5. (In Russ.).
15. Sal'nikov V. P. Legal Culture of Society: Concept and Structure // Voprosy teorii gosudarstva i prava. 1986;7: 44–54. (In Russ.).
16. Sal'nikov V. P. Pravovaya kul'tura. Gl. XX // Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akad. kurs v 3 t. / otv. red. M. N. Marchenko. 4-e izd., pererab. i dop. T. 3: Gosudarstvo, pravo, obshchestvo. M., 2013. S. 503–530. (In Russ.).
17. Sal'nikov V. P. Pravovaya kul'tura: teoretiko-metodologicheskij aspekt: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01 / Sal'nikov Viktor Petrovich. L., 1990. 402 s. (In Russ.).
18. Sal'nikov V. P. Socialisticheskaya pravovaya kul'tura: metodologicheskie problemy / pod red. N. I. Matuzova. Saratov, 1989. 144 s. (In Russ.).
19. Sal'nikov V. P. Uvazhenie k pravu v deyatel'nosti organov vnutrennih del. L., 1989. 86 s. (In Russ.).
20. Sal'nikov V. P. Chelovek v sisteme nravstvenno-pravovyh cennostej i zadacha formirovaniya suverennoj filosofii prava / V. P. Sal'nikov, D. V. Maslennikov, A. I. Morozov // Prava cheloveka v dialoge gosudarstvennoj vlasti i grazhdanskogo obshchestva: sb. mater. Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. Dnyu prav cheloveka, g. Ufa, 10 dek. 2020 g.: v 2 ch. / otv. red. E. O. Tulupova. Ufa, 2020. CH. 1. S. 176–187. (In Russ.).
21. Sal'nikov V. P. National and ethnic values in legal culture and political and legal traditions / V. P. Sal'nikov, M. V. Sal'nikov // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2014;3. T. 19: 1096–1099. (In Russ.).

22. Sal'nikov V. P. Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values / V. P. Sal'nikov, M. V. Sal'nikov // YUridicheskaya mysl'. 2014;4(84): 70–86. (In Russ.).
23. Sal'nikov V. P. Legal culture and legal tradition in their categorical relationship and understanding / V. P. Sal'nikov, M. V. Sal'nikov // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2014;3(37): 13–19. (In Russ.).
24. Sal'nikov V. P. YUristy i pravovaya informirovannost' lichnosti / V. P. Sal'nikov, N. YA. Sokolov // Aktual'nye problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti organov vnutrennih del: sb. nauch. tr. SPb., 1993. Vyp. 1. S. 28–36. (In Russ.).
25. Sal'nikov V. P. The legal culture of society and the individual is the most important means of protecting human rights. / V. P. Sal'nikov, A. V. Stremouhov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2000;4(8): 19–22. (In Russ.).
26. Sokolov N. YA. Professional'noe soznanie yuristov. M., 1988. 224 s.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026;
одобрена после рецензирования 21.02.2026;
принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 22.01.2026;
approved after reviewing 21.02.2026;
accepted for publication 19.03.2026.